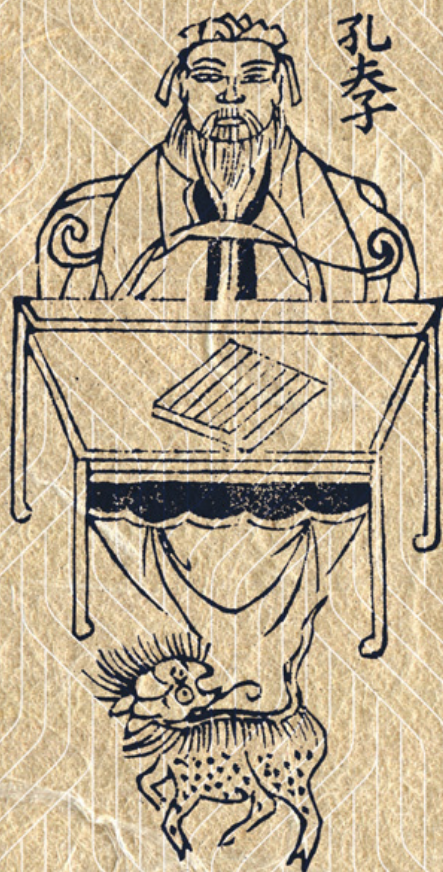

КИТАЙСКАЯ МЫСЛЬ

*

от Конфуция
до повара Дина

Рул Стеркс

АНО
альпина
нон-фикшн

Рул Стеркс

**Китайская мысль: от
Конфуция до повара Дина**

«Альпина Диджитал»

2019

Стеркс Р.

Китайская мысль: от Конфуция до повара Дина / Р. Стеркс —
«Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-00-139879-0

Китайское влияние на материальную и духовную жизнь современного мира становится все более ощутимым, но жители других стран по-прежнему почти ничего не знают о Китае и его культуре. Отталкиваясь от этого неоспоримого факта, кембриджский синолог Рул Стеркс предлагает всем нам, живущим за пределами ойкумены Поднебесной, сжатый, но основательный очерк истории китайской мысли: политической, социальной, философской, религиозной, экологической и прочей. Он мастерски владеет своим материалом, рисуя перед нами целостную и, главное, живую картину мировоззрения китайцев. Великолепно написанная работа Стеркса позволяет понять, что значит воспринимать мир по-китайски и жить в нем по-китайски. В 2020 г. автор стал лауреатом ежегодной британской премии Хессель-Тилтман, присуждаемой за лучшую научно- популярную книгу по истории, опубликованную на английском языке. «Китайская мысль всецело ориентирована на человека и практику его жизни. Главные вопросы, которые занимали лучшие умы Китая, не кто мы такие и что мы такое, но как нам надлежит проживать свою жизнь, как мы связаны с другими людьми, как нам следует организовывать общество и обеспечивать благополучие тех, кто живет с нами и за кого мы отвечаем». «Лучший способ охарактеризовать китайскую мысль – это обозначить все то, чего в ней нет».

ISBN 978-5-00-139879-0

© Стеркс Р., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Предисловие	8
Хронология	10
Ключевые фигуры	11
Глава 1	13
Исторические декорации	16
Шан	18
Чжоу	20
Цинь	25
Хань	31
Время: Мыслить циклами	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рул Стеркс

Китайская мысль:

от Конфуция до повара Дина

Переводчик *Анна Петрова*

Научный редактор *София Воронцова*

Редактор *Андрей Захаров*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Воеводина, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

© Roel Sterckx, 2019

The author has asserted his moral rights

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

КИТАЙСКАЯ МЫСЛЬ

от Конфуция
до повара Дина

Рул Стеркс

МОСКВА, 2023

Посвящается Энъ- Энъ

Предисловие

Китай утвердился на мировой арене, располагая небывалым экономическим и политическим могуществом. Марко Поло, венецианский путешественник XIII в., живописал богатства этой обширной империи, ее народы и города, и эти рассказы вошли в сборник, который называли «Книгой чудес света» (*Le Livre des merveilles du monde*). Сегодня наши соприкосновения с Китаем и очарованность им стали гораздо более сложными и многогранными. Все больше людей – как дилетантов, так и специалистов – перестают воспринимать Китай как принципиально иную цивилизацию, как место, где бытовые обыкновения и моральные представления переворачивают с ног на голову все, что традиционно дорого той части мира, которая называет себя Западом.

Необратимо изменилась и карта человеческих путешествий. Прошли те дни, когда, как в XVIII в. – в эпоху Просвещения, европейский интерес к Китаю подогревала лишь горстка миссионеров или когда, как столетием позже, только избранные торговцы, дипломаты и священнослужители делились с Европой рассказами о достижениях и невзгодах угасающей Китайской империи. В сегодняшнем мире любой уважающий себя университет набирает талантливых китайских студентов и исследователей. Китай зримо и незримо ведет торговлю во всех уголках планеты. Товары, услуги и культурные достижения Китая можно получить, увидеть, услышать и попробовать на вкус едва ли не в каждом доме. Молодежь пробует учить китайский язык в школе, университете или на вечерних курсах, движимая тем же любопытством, что привлекало гурманов к китайской кухне задолго до того, как лапша и пекинская утка прославились на весь мир.

При этом, однако, в наших школах, университетах и СМИ едва-едва складывается элементарное представление о том, как нужно преподносить будущим гражданам глобального мира базовые принципы китайской цивилизации и китайского образа мысли. До сих пор Китай оживал в наших нарративах только в те моменты, когда он либо появлялся на имперском горизонте Запада, либо включался в международную политику XX в., либо обзаводился значимой для нас (или даже угрожающей нам) экономикой. На университетских кафедрах философия все еще остается преимущественно греческой; кроме того, если верить некоторым учебным программам, у пятой части населения планеты вообще нет религиозных взглядов. За рамками своих встреч с Западом в глазах многих Китай по-прежнему остается краем чая и каллиграфии, поэзии и фарфора – а также немного странноватого императора. Но у тех, кто по-прежнему готов практиковать межкультурный диалог, основанный на противопоставлении «мы – они», есть повод задуматься: теперь средний китайский подросток или студент намного больше знает о нас, чем мы знаем о нем. Чтобы понять Китай, нам нужно начать мыслить по-китайски.

Чтение этой книги не требует предварительных знаний о Китае. Она разбита на темы исходя из моих личных предпочтений и приоритетов, на протяжении многих лет оформлявшихся в разговорах со студентами и слушателями. Поступив в университет, чтобы изучать Китай, его историю, язык(и) и философию, многие из моих студентов, как и я сам в восемнадцать лет, не знали, чего им ждать и с чего начинать. Надеюсь, эта книга даст любознательным людям некоторые опорные точки, позволяющие начать собственный диалог с китайскими мыслителями. Читатели, которым не терпится сразу погрузиться в мир идей, могут пропустить первую главу: в ней предлагается общий обзор китайской истории, географии, классического китайского языка, а также описание имеющихся источников. Читатели же, не располагающие временем, могут обращаться к отдельным главам, не соблюдая их порядка.

Историки, которым недостает собственных идей, обычно изучают историю чужих мыслей. Китайские мудрецы, однако, не таковы. Лучший способ охарактеризовать китайскую мысль – это обозначить все то, чего в ней нет. На страницах этой книги вы почти не найдете тео-

ретических рассуждений о том, как работает человеческий разум, или о том, наличествует ли в мире какая-то иная реальность, помимо нашей. Не будет здесь обсуждаться и то, как соотносятся материя и дух, что такое истина (а тем более логика) и существуют ли такие явления, как ум или знание. Почему? Потому что подобные вопросы (профессиональные философы зачисляли их в разряд эпистемологии и онтологии) не слишком интересовали китайских мыслителей. В классическом китайском языке даже не было слова, обозначающего философию; современный термин «чжэсюэ» был заимствован из японского в конце XIX в. и относился изначально только к западной философии¹.

Китайская мысль всецело ориентирована на человека и практику его жизни. Главные вопросы, которые занимали лучшие умы Китая, не кто мы такие и что мы такое, но как нам надлежит проживать свою жизнь, как мы связаны с другими людьми, как нам следует организовывать общество и обеспечивать благополучие тех, кто живет с нами и за кого мы отвечаем. Человеческому поведению, природе человека и политике человеческого сообщества отводится главное место в этом повествовании. Сравнивая философские традиции, легко потеряться среди множества ответов на вечные вопросы, предлагаемых разными мыслителями. Но иную культуру можно понять гораздо лучше, если сначала, не беспокоясь об ответах, сосредоточиться на задаваемых ею вопросах. В Китае эти вопросы были такими: что делает человека добродетельным? Какой тип личности лучше подходит для управления и руководства? Как обеспечить и поддерживать порядок в обществе? Каким образом традиции прошлого могут принести пользу сегодня? Чему мы можем научиться у своих предшественников? Какие стратегии помогут нам перехитрить врагов и соперников? Как убеждать других в собственной правоте? Способствует ли общественная деятельность более полноценной жизни или лучше вообще удалиться от общества?

Мыслители Древнего Китая – главные герои этой книги – редко вступают в интеллектуальные споры ради самого спора. Большая часть их идей предназначена для жизненного наставления и практического воплощения. (Явная ирония, однако, состоит в том, что Конфуций, самый влиятельный из китайских мудрецов, не слишком преуспел на чиновничьем поприще и не смог найти правителя, который пожелал бы воплотить его идеи.) Они рассуждают о том, как правильно жить, совершенствовать себя и обретать гармонию с миром. Они ставят жизненный опыт выше теоретических знаний, и их учение затрагивает человека целиком – как разум, так и чувства. Изучать прошлое этих идей интересно, но еще важнее то, что они актуальны и сегодня.

---

¹ На рубеже XIX и XX вв. китайские интеллектуалы начали активно обсуждать вопрос о том, имеет ли право китайская мысль называться философией в западном смысле; дискуссия на эту тему не завершена до сих пор. – *Прим. науч. ред.*

Хронология

Доисторические времена и эпоха Ся

Династия Шан

ок. 1600 — ок. 1045 гг. до н. э.

Династия Чжоу

ок. 1045–256 гг. до н. э.

Период Западного Чжоу:

ок. 1045–771 гг. до н. э.

Период Восточного Чжоу:

770–256 гг. до н. э.

Период Весен и осеней:

770–481 гг. до н. э.

Период Сражающихся царств:

481–221 гг. до н. э.

Династия Цинь

221–206 гг. до н. э.

Династия Хань: 206 г. до н. э.— 220 г.

Западная (Ранняя) Хань:

206 г. до н. э. — 9 г.

Династия Синь (междоцарствие):

9–23 гг.

Восточная (Поздняя) Хань:

25–220 гг.

Эпоха Шести династий: 220–589 гг.

Династия Суй: 581–618 гг.

Династия Тан: 618–907 гг.

Эпоха Пяти династий: 902–979 гг.

Династия Сун: 960–1279 гг.

Период Северной Сун: 960–1127 гг.

Период Южной Сун: 1127–1279 гг.

Династия Юань: 1271–1368 гг.

Династия Мин: 1368–1644 гг.

Династия Цин: 1644–1912 гг.

Китайская Республика: 1912–1949 гг.

Китайская Народная Республика:

1949 г. — настоящее время

Ключевые фигуры

В этой таблице в приблизительном хронологическом порядке представлены ключевые китайские мыслители и другие исторические фигуры, упомянутые в книге. Полный список затронутых в работе персонажей приведен в именном указателе. В китайских именах сначала идет фамилия, затем имя (например, в имени Сыма Цянь Сыма – фамилия, Цянь – имя).

Конфу- цианцы	Даосы	Легисты	Другие	Историче- ские фигуры
Чжоу (ок. 1045–256 гг. до н.э.)				Чжоу-гун (период деятельно- сти — 1046– 1036 гг. до н.э.)
				Гуань Чжун (ум. в 645 г. до н.э.)
Конфуций (551–479 гг. до н.э.)	Лао-цзы (период деятельно- сти — ок. VI в. до н.э.?)			
			Мо-цзы (ок. 479–381 гг. до н.э.)	
	Ян Чжу (период деятельно- сти — IV в. до н.э.)	Шан Ян (ок. 390–338 гг. до н.э.)	Сунь Бинь (?378– ?301 гг. до н.э.)	
Мэн-цзы (ок. 372– 289 гг. до н.э.)	Чжуан-цзы (ок. 369– 286 гг. до н.э.)	Шэнь Бухай (ум. в 337 г. до н.э.)	Хуэй Ши (ок. 370–330 гг. до н.э.)	
	Сюй Син (период деятельно- сти — ок. 315 г. до н.э.)	Шэнь Дао (ок. 360 — ок. 285 гг. до н.э.)	Гунсунь Лун (р. ок. 320 г. до н.э.)	

	Конфу- цианцы	Даосы	Легисты	Другие	Историче- ские фигуры
	Сюнь-цзы (ок. 335 — ок. 238 гг. до н.э.)		Хань Фэй- цзы (ок. 280 — ок. 233 гг. до н.э.)	Чжоу Ян (306– ?240 гг. до н.э.)	
Цинь (221–206 гг. до н.э.)	Лу Цзя (ок. 228 — ок. 140 гг. до н.э.)			Люй Бувэй, патрони- ровавший написание трак- тата «Люйши чуньцю» (ум. в 235 г. до н.э.)	Цинь Шиху- анди, Пер- вый импе- ратор (годы правления — 221–210 гг. до н.э.)
Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.)	Цзя И (201– 169 гг. до н.э.)			Дун Чжуншу (ок. 179– 104 гг. до н.э.)	Император У-ди (годы правления — 141–87 гг. до н.э.)
				Лю Ань, под патронажем которого создавался трактат «Ху- айнаныцзы» (?179–122 гг. до н.э.)	Сыма Цянь (ок. 145 — ок. 86 гг. до н.э.)
					Лю Сян (79–8 гг. до н.э.)
				Ван Чун (ок. 27– 100 гг. н.э.)	Бань Гу (32– 92 гг. н.э.)
				Ван Фу (ок. 90– 165 гг. н.э.)	Бань Чжао (ок. 48– 116 гг. н.э.)
	Сюй Гань (171– 217 гг. н.э.)			Ин Шао (ок. 140– 204 гг. н.э.)	
Сун (960– 1279 гг. н.э.)	Чжу Си (1130– 1200 гг. н.э.)				

Глава 1

Китай во времени и пространстве

Что такое Китай? Кто такие китайцы? На первый взгляд подобные вопросы могут показаться излишними: это все равно что спрашивать Сократа, находятся ли Афины в Греции. Но задуматься тем не менее стоит.

Китайскую историю, как и европейскую, нельзя свести к линейному развитию неизменно статичной и монотонно однообразной части света. Учебники, путеводители и документальные фильмы тиражируют одну и ту же фразу, звучащую примерно так: «От остального мира Китай отличается тем, что он может похвастаться непрерывностью развития цивилизации, которая существует по крайней мере два с половиной тысячелетия» (или, вероятнее, даже дольше). Неудивительно, что при каждом удобном случае об этом с гордостью напоминают китайские политики, дипломаты и прочие общественные деятели. Да, многое в Китае имеет потрясающе древнюю историю. Но, как справедливо отметил социальный историк Вольфрам Эберхард, величие цивилизации определяется ее достижениями, а не заявками на максимальную древность. Бесспорно, достижений Китаю не занимать. Но претензии на принадлежность к «наиболее древней из существующих цивилизаций» на основе «самой длительной исторической преемственности» могут также создавать почву для скрытых или безосновательных притязаний на культурную исключительность.

Мы можем или даже должны прислушаться и к альтернативным трактовкам. Одна из них обратила бы наше внимание на то, что в истории Китая моменты политического и географического единства перемежались веками раздробленности. За один только период, продолжавшийся с начала III до середины X в. н. э., над территорией Китая или ее частями властвовали более сорока пяти династий. А если заглянуть еще дальше в глубь времен, то обнаружится, что более десяти столетий прошло, прежде чем в 221 г. до н. э. страна впервые преобразовалась в империю. Иначе говоря, историческая преемственность в Китае отмечена множеством разрывов. На протяжении длительных отрезков времени общественная элита и высшие чиновники правящих режимов не были этническими китайцами. Скажем, около четырех веков исторической хронологии Китая приходятся на господство монголов и маньчжуров (династии Юань и Цин).

Чтобы перестать воспринимать Китай как монолитного великана – спящего, беспокойного или восстающего, стоило бы трактовать его историю как историю регионов, понимая, что его население было географически, а зачастую и этнически разнообразным, а перед представителями власти неизменно стояла нелегкая задача примирять отдельные части страны с требованиями, предъявляемыми политическим центром. Последнее оставалось важнейшей задачей любой власти, стоящей во главе Китая, – от императорских домов прошлого до коммунистической партии и тех, кто у руля теперь. Наличие самобытного и выраженного регионального сознания накладывает отпечаток на всю долгую историю Китая. Одна из ее констант – разделение страны на север и юг. Постепенное распространение на юг народности хань, родной которой был бассейн Хуанхэ, сыграло важнейшую роль в китайской истории. На севере политическое, общественное и экономическое развитие шло под влиянием постоянной угрозы вторжений кочевников-некитайцев. Гораздо менее населенные западные земли были воротами в Центральную Азию. В определенные моменты эти окраины Китайской империи оказывались в ряду самых многонациональных и многоязычных областей мира того времени. В сегодняшнем Китае регионализм продолжает занимать заметное место в политической повестке – это отражается, к примеру, в возродившемся интересе к локальному наследию или в спонсируемом государством изучении местных культур. В целом же, говоря о Китае, китайцах или китай-

ском, мы в значительной мере руководствуемся соображениями терминологического удобства: это позволяет более или менее однотипно маркировать этнические группы и географические локации, расположенные в меняющихся политических границах того пространства, которое приблизительно соответствует сегодняшней Китайской Народной Республике.

Происхождение названия «Китай» [China] само по себе остается предметом споров. Согласно одной из распространенных точек зрения, оно связано с Цинь – названием царства, основавшего первую объединенную империю. Но санскритское наименование Cīna уже встречается в индийских источниках, которые, возможно, датируются двумя веками ранее. До объединения Китая царством Цинь в 221 г. до н. э. и правления первой многолетней династии – Хань – мало кто стал бы называть себя китайцем. Человек, который родился в регионе, соответствующем современной провинции Шаньдун, сказал бы, что он уроженец Ци, или, как в случае Конфуция, – уроженец Лу. Южанина бы знали как человека из Чу, Ба или Юэ. Родившийся в окрестностях нынешнего Пекина считался бы родом из Янь (это название, кстати, сохранилось в марке популярного пекинского пива «Яньцзин»). В древних текстах множество свидетельств того, что китайцы той поры вполне осознавали лингвистическое разнообразие своей страны. Источники упоминают и о необычной природе различных диалектов, и об использовании переводчиков. Сохранились истории, в которых многоязычие и речевая путаница служат поводами для развлечения или назидания. Так, одна из них рассказывает о человеке из Чжоу, который пытался продать купцу из Чжэн освежаванных крыс. Купец вежливо отклонил предложение, когда понял, что спутал чжоуское слово «крысы» с похожим по звучанию чжэнским словом, означающим «необработанный нефрит» («Чжаньго цэ», Цинь, 100)². То, о чем слышишь, не всегда соответствует тому, что получаешь. Ведь нефритом не наешься – если, конечно, ты не бессмертный, – а крыса будет странно смотреться в шкатулке с драгоценностями.

В те времена, когда великие мыслители Китая начинали формулировать свои идеи, государство Чжоу и некоторые его соседи из областей среднего и нижнего течения Хуанхэ стали называться Чжунго – это переводится во множественном числе как «Серединные царства». Тот же самый топоним – Серединное царство – стал применяться к Китаю в целом как национальному государству лишь при династиях Мин и Цин, сохранившись до нашего времени. Чаще, однако, та часть цивилизованного мира, которая находилась под управлением монарха, именовалась Поднебесной (*Тянься*). Тем не менее, пока философы и государственные мужи рассуждали о человеческой природе и человеческом поведении в более или менее универсалистской манере, в Древнем Китае сохранялось убеждение, согласно которому регион с его самобытной почвой и местным климатом влияет не только на внешность людей, но и на их характер. По мнению некоторых, рождение в Серединных царствах позитивно сказывалось на темпераменте:

Разные земли родят каждая в соответствии со своим родом. <...>
В прибрежных местах у людей часто болят ноги, воздух каменистых мест сообщает силу, а на пересеченной местности часто болеют зобом. <...>
На широких равнинах много добрых, а воздух холмов родит алчных.
На легких землях живут подвижные люди, на тяжелых – медлительные. <...>
В центральных землях много мудрых. Все следует образу своего эфира ци, все откликается своему роду. <...> На востоке люди вырастают большими, рано приобретают знания, но мало живут. <...> На юге люди рано созревают,

² «Чжаньго цэ» («Стратегии Сражающихся царств») – книга, посвященная истории Древнего Китая V–III вв. до н. э., которая содержит речи, беседы и послания, приписываемые историческим лицам, жившим в то время. Авторство книги точно не установлено, но составителем и первым редактором считается Лю Сян (I в. до н. э.). Главы даны в форме рассказов, иллюстрирующих различные стратегии и приемы, использованные Сражающимися царствами; всего в книге приводится двенадцать планов разных царств. – *Прим. пер.*

но гибнут прежде времени. <...> На западе люди храбрые, но жестокие. <...>
На севере люди глупы и неразвиты, подобны зверю, но долголетни. <...>
В центре люди разумны и мудры («Хуайнаньцзы», 4.9, 4.13)³.

С учетом этих оговорок я буду называть множество народов и героев этой книги китайцами, а часть суши, на которой они жили и живут, – географическим Китаем.

---

³ Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, цит. по: Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы / Пер. Л. Померанцевой. – М.: Мысль, 2004. – *Прим. пер.*

Исторические декорации

Китайская цивилизация зародилась на лёссовом плато⁴ в бассейне реки Хуанхэ и ее притока Вэйхэ. Эпоха Шан (ок. 1600 – ок. 1045 гг. до н. э.), в которую появились самые древние формы письменности в виде гадальных надписей на панцирях черепах и костях животных, отмечает переход от доисторических времен к историческим периодам. Китайская философская мысль начинает складываться чуть позже, в период Чжоу (ок. 1045–256 гг. до н. э.). Она достигает расцвета в те примерно шесть веков, которые принято называть периодом Сражающихся царств, или ранним имперским периодом (V в. до н. э. – II в. н. э.).

В этой книге я говорю о Древнем Китае, широкой кистью обрисовывая период примерно с IX в. до н. э. до II в. н. э. В этот тысячелетний отрезок вместились несколько этапов формирования государства. В те времена Китай постепенно превращался из рыхлого союза феодальных царств в единую империю – в этой форме он просуществовал до 1911 г., причем в некоторых политических сферах китайской жизни империя напоминает о себе до сих пор. В изложениях китайской истории эта полоса также именуется классической эпохой, так как первые исследователи, взявшиеся за изучение Китая, сравнивали ее влияние на китайскую цивилизацию с греко-римским периодом западной истории. В плане идейной эволюции эпоха Сражающихся царств и ранней империи совпадала по времени с классической эпохой Платона, Аристотеля и Александра Македонского в Древней Греции. Она заканчивается в годы поздней Республики и становления режима Августа в Риме.

Классическая эра Китая оказала значительное влияние на социокультурное и интеллектуальное развитие китайского мира. Она была отмечена зарождением народной литературы, развитием историографии и становлением административного учета. В то время в Китае появились величайшие философы и сложился канон текстов, которые еще много веков прямо или опосредованно определяли образ мышления каждого китайца, обладавшего положением в обществе. В те же времена на социальную арену вышли знаменитые политические деятели, которые заложили нормы и создали институты, оставившие глубокий след в китайской истории. Иногда эти столетия называют осевым временем; термин был предложен немецким философом Карлом Ясперсом (1883–1969), который обозначал им четырех- или пятивековой период, когда похожие философские идеи одновременно и вне прямых контактов зарождались в греко-римском мире, по всей Евразии, в Индии и Китае.

В Древнем Китае сформировался ряд представлений, которые позже составили основу китайского мировосприятия. Некоторые деятели, о которых мы будем говорить, до сих пор считаются столпами китайского интеллектуального и культурного наследия. Но было бы несправедливо сводить все богатство китайской мысли лишь к истории видных фигур, их работ и влияния на мир идей. Мы не смогли бы оценить всю ее широту и разнообразие и в том случае, если бы полагались исключительно на тексты, которые последующие поколения и ученые называли философскими. (Кстати, по поводу применимости этого термина даже сами философы не имеют единого мнения.) В трещинах и щелях между глыбами схоластической философии тоже можно обнаружить много интересного.

В конце II в. до н. э. историк Сыма Тань (ум. ок. 110 г. до н. э.), обзрев философскую панораму Древнего Китая, разделил ее на шесть течений. В этом ряду были натурфилософы (*инь ян цзя*), конфуцианцы (*жу цзя*), моисты (*мо цзя*, школа Мо-цзы), софисты или логики (*мин цзя*, «школа имен»), легисты (*фа цзя*, законники), даосы (*дао дэ цзя*). Добавим к этому списку множество других учителей и мастеров, в том числе военных стратегов, и мир мысли в Древнем Китае превратится в «сто школ» (*бай цзя*). (Числительное «сто» зачастую служило экви-

---

⁴ Глинистая песчаная осадочная горная порода светло-желтого или палевого цвета. – *Прим. пер.*

валентом понятия «много».) Большинство учебников – как восточных, так и западных – остаются под влиянием этой парадигмы. Термин же «сто школ» обрел самостоятельную жизнь. Мао Цзэдун, запуская кампанию «ста цветов» в 1956 г. («пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»), вдохновлялся образом древнекитайских бродячих полемистов, но вскоре оборвал короткую жизнь этого движения, сочтя, что нездоровая критика пагубна для его личного авторитета.

Но и без Мао в рамках концепта «ста школ» признавались самые разнообразные мыслители, которыми изобилует Китай классического периода. Будет справедливым назвать наиболее влиятельными из них конфуцианцев, даосов и легистов. Впрочем, древнекитайскую мысль не так-то просто свести к аккуратно разложенным по полочкам «школам». Такой подход предполагает, что идеи принадлежат конкретному человеку, что их можно приписать одному мыслителю или одному тексту. В последнее время ученые ставят под сомнение само понятие философской школы, поскольку оно ничуть не помогает разобраться в том, как идеи в Древнем Китае распространялись и становились частью канона. Они, как правило, передавались через поколения учителей и учеников, которые сообща занимались изучением и комментированием определенных текстов. Но, как мы убедимся далее, в реальности и сами идеи, и тексты, в которых они сохранялись, не отличаются упорядоченностью, а иногда и вовсе представляют собой гибридную помесь разных теорий. Идеи могут взаимодействовать самыми непредсказуемыми и оригинальными способами. Приписывание их той или иной школе вряд ли поможет нам постичь их смысл. Стоит также иметь в виду, что мы располагаем довольно ограниченной информацией о жизни и свершениях многих, если не большинства, ключевых китайских мыслителей. Поэтому не всегда удастся представить ту или иную мысль в качестве прямого изложения слова или текста одного конкретного человека.

Тем не менее некоторые мыслители и философские направления явно реагировали на какие-то воззрения, которые ими не разделялись. В этом смысле совершенно нормально представлять себе «школу» как ретроспективный метод объединения людей, обладающих схожими взглядами на определенные проблемы или опирающихся на одних и тех же учителей, те же понятия, тексты. Диалог был одним из основных форматов передачи идей. Это могли быть реальные или воображаемые разговоры учителя с учеником, правителя с советником, чиновника с начальником или даже позднего комментария с изначальной версией текста. Постановочные диалоги приписывались также вымышленным персонажам, культурным героям или фигурам легендарного прошлого. Таким образом, флуктуация идей в древнем Китае была похожа на перемещения нефтяных пятен по поверхности воды: вот они выглядят связными, а вот их тянет в разные стороны, вот обрисовываются новые контуры, а вот они разлетаются в стороны, вот каждое набухает само по себе, а вот они соединяются в новое пятно. Будет легче понять социальные и политические предпосылки формирования этого интеллектуального ландшафта, если предварительно ознакомиться с историческим контекстом – основными фактами, событиями и деятелями.

Шан

Старейшие письменные свидетельства, сохранившиеся в Китае, – гадальные надписи (формулы, предназначенные для предсказания событий), вырезанные на костях домашнего скота и черепаших панцирях. Эти короткие тексты в основном датируются XII– серединой XI в. до н. э. С тех пор как они привлекли внимание ученых в конце XIX в., удалось подтвердить датировку более двухсот тысяч подобных фрагментов. Надписи на костях кратки, в них отсутствует рефлексия, но все-таки они способны дать нам кое-какую информацию о религии людей эпохи Шан и их картине мира. В качестве высшей силы правители Шан почитали владыку Шан-ди⁵, который предводительствовал над сонмом духов природы. Шанский пантеон включал духов, которые позже займут важное место в китайской религии: это силы земли, гор или рек. Темы гадальных надписей, оставленных на костях, весьма разнообразны. Из них видно, что владыки Шан при гадании искали наставления в самых разных вопросах: помимо погоды, войны, охоты, здоровья правителя и его жен они интересовались тем, когда приносить жертвы предкам, как эффективнее управлять, каким образом лучше преподносить и принимать дары. Черепаши панцири или бычьи лопатки прижигали раскаленной кочергой, жрецы истолковывали появившиеся из-за этого трещины, а ответы на предварительно поставленные вопросы записывали на костях.

Неделя у людей эпохи Шан состояла из десяти дней. Довольно много домашнего скота (а также военнопленных, которых тоже считали по головам или ушам) отводилось для ритуальных жертвоприношений духам и предкам властителей. Мясо жертвовалось вместе с алкоголем. Когда выбиралось время жертвования, первостепенная роль отводилась предкам царствующих особ: их духов приглашали на церемонии. Хранившиеся в храмах таблички, представлявшие души предков, использовались для подношений во время ритуалов. Люди эпохи Шан представляли себе мир как квадратное пространство, по четырем сторонам которого лежат восточные, южные, западные и северные земли. В те времена, когда в ходу были гадальные кости, шанское общество оставалось в основном земледельческим: люди жили в небольших поселениях, окруженных полями. Властители Шан были способны мобилизовать около трех-пяти тысяч воинов, которыми командовали военачальники, выезжавшие к битве на легких конных колесницах. Эти колесницы, наряду с гадальными костями и церемониальными бронзовыми сосудами для подношений, находят в раскопках по сей день.

В шанском мире уже просматриваются некоторые элементы, которые будут иметь немалое значение для китайской мысли в последующие века. Среди них, например, представление о том, что природа населена духами, которых нужно задабривать и заклинать, чтобы заручиться хорошим исходом затеваемых дел. Здесь же представление о наиважнейшей роли, играемой предками в налаживании связи между человеческим миром и далекими, непостижимыми высшими силами и духами, а также убеждение в огромной значимости жертвоприношений для укрепления этой связи. В религии эпохи Шан уже видно, что для поддержания подобных ритуалов требуются солидные экономические ресурсы: угождать духам – недешевое удовольствие. Признание необходимости ритуалов, сопровождаемое призывами оправдать или умерить ритуальные затраты, становится одной из ключевых тем этических дискуссий, которым предавались мудрецы классического периода. Уже в IX в. до н. э. звучали призывы к бережливости в дни жертвоприношений, нередко превращавшихся, как мы предполагаем, в роскошные празднества. Церемониальные бронзовые сосуды, в которых предписывалось держать алкоголь, постепенно становятся все более редкими археологическими находками. Мы должны быть благодарны людям эпохи Шан за то, что они сохраняли архивы костей с надпи-

---

⁵ Шан-ди – обожествленный верховный предок правящего дома. – *Прим. науч. ред.*

сями. Шанских гадателей можно считать первыми китайскими бюрократами. Ведение учета – включая его подтасовку – станет позже главным видом деятельности при дворах китайских императоров. В конце концов к завершению эпохи Шан правитель остается практически единственным прорицателем, общавшимся с духами. Если же кто-то, занимаясь гаданием, просил духов о чем-то таком, что могло вызвать недовольство владыки, то карьера такого человека обычно длилась не слишком долго.

Чжоу

Около 1045 г. до н. э. правителей Шан свергли их западные соседи, Чжоу, поначалу опиравшиеся на прибрежные земли вдоль Хуанхэ в Северо-Западном Китае (современная провинция Ганьсу), но вскоре переселившиеся на восток, в плодородную долину нижнего течения Вэйхэ (современная провинция Шэньси). Они совершенствовали свои навыки в земледелии и развивали технологию ирригации. Чжоусцы считали высшей силой небеса (*Тянь*). Небо было для них не потусторонним или персонифицированным божеством, но безличной силой, правящей всем сущим. Желание постичь волю Неба и стремление следовать ей стали важной темой китайской политической мысли. «Небеса покинули его» – так иносказательно описывали чье-то политическое фиаско.

Первые три столетия после падения Шан известны в китайской историографии как период Западного Чжоу. Владения Чжоу были объединением городов-государств, и, поскольку можно провести немало параллелей между царством Чжоу и средневековой Европой – среди них, например, ключевая роль наследственных дворян-воинов и система покровительства и защиты в обмен на труд и службу, – чжоуское общество зачастую именуется феодальным. Принципиально здесь то, что правитель Чжоу был номинальным и ритуальным главой всего государства, а трон наследовался по линии кровного родства. Социальную иерархию возглавляли правитель и дворяне. Члены царской семьи получали земельные уделы, а благородные семейства, которых они жаловали владениями, набирали воинов из числа своих вассалов и предоставляли их в распоряжение двора. То был мир, которым управляли союзы князей-аристократов, скрепленные ритуалами и долгом верности дому Чжоу.

Помимо документов, составленных в более позднее время, основными источниками информации о раннем периоде Чжоу выступают надписи на бронзовых сосудах. Самые древние части книг, которые прославились как «У цзин» – классическое конфуцианское «Пятикнижие», а именно фрагменты «Книги перемен» («И цзин»), «Книги документов» («Шу цзин») и большая часть «Книги песен» («Ши цзин»), тоже можно датировать первыми столетиями династии Чжоу. Народ государства Шан также создавал прекрасные бронзовые сосуды (рекомендую посмотреть их в Шанхайском музее или в Дворцовом музее в Тайбэе), но только на немногих из них есть надписи. Люди эпохи Чжоу, напротив, оставили тысячи сосудов с памятными надписями на их стенках. В них увековечены коронации правителей, жертвенные церемонии, королевские дары или иные памятные события. Сосуды различаются по размеру и форме в зависимости от предназначения (самый крупный из ныне известных весит более восьмисот килограммов). Неудивительно, что большинство надписей заканчиваются пожеланием благословенного и долгого царствования правителю Чжоу и его наследникам. Количество сохранившихся сосудов периода Чжоу впечатляет: до наших дней дошло примерно двенадцать тысяч. Причем каждый год находят все новые сосуды, которые китайская земля таила более двух тысяч лет.

С политической точки зрения период раннего Чжоу известен тремя фигурами, которые позднее спровоцируют бесчисленные исторические аналогии и будут в равной мере восхваляться и порицаться. Владыка Вэнь (Вэнь-ван, годы деятельности – 1056–1050 до н. э.) правил Чжоу в мирное время, предшествовавшее падению Шан. Вэнь был известен высокими моральными качествами – именно он выступил с предложением о том, что последних правителей Шан, пьянчуг и дебоширов, правильнее будет сместить. Вэнь-ван стал образцом мудрости и благого правления. Вторая фигура – основатель династии Чжоу У-ван (годы деятельности – 1045–1043 до н. э.), военный вождь, который разгромил Шан в битве при Муе и построил новую столицу. Третьей фигурой, получившей наибольшую известность в качестве мудрого государственного мужа, стал брат У-вана Чжоу-гун, князь Чжоу (годы деятельно-

сти – 1046–1036 до н. э.). Чжоу-гун олицетворял просвещенное властвование. Будучи регентом при малолетнем Чэн-ване, он развивал государственные институты Чжоу и в последующие века пользовался репутацией правителя-мудреца, а также наставника, попечителя и доверенного наперсника своего царственного племянника. Когда юный наследник повзрослел, Чжоу-гун решил отойти от дел, внося вклад в формирование идеала, который многократно обсуждался в дальнейшей политической истории Китая, а именно представления о том, что уступка власти более легитимному, а следовательно, и более достойному правителю является добродетельным поступком. На ранний период Чжоу назидательно ссылался среди прочих и Конфуций (551–479 гг. до н. э.): он считал это время золотым веком, когда мир (Поднебесная) был объединен под скипетром просвещенного владыки («Сына Неба»): «[Установления династии] Чжоу основываются [на установлениях] двух [предшествующих] династий. О, как они богаты и совершенны! Я следую им» («Лунь юй», 3.14)⁶.

771 год до н. э. принято считать началом второй фазы истории Чжоу. Это дата переноса царской столицы с запада на восток, из Хао, находившегося неподалеку от современного города Сиань, в область современного города Лоян в провинции Хэнань. Традиционная историография делит эпоху Восточного Чжоу на период Весен и осеней (*Чуньцю*) и период Сражающихся царств (*Чжаньго*). Царство Чжоу продолжало существовать в виде хрупкой конфедерации уравнивающих друг друга местных центров, сочетая разнонаправленные интересы и зачастую конфликтующие идентичности. Противостояние последних запечатлено в следующей истории:

В царстве Вэй, в городе Вэнь, был человек, который отправился в Восточное Чжоу. Люди в Чжоу не впустили его. Они спросили: «Ты чужак?» Человек из Вэнь, не колеблясь, ответил: «Нет, я свой». Тогда они поинтересовались, где именно он живет, но он не знал места и не смог ответить, поэтому служители задержали его. Чжоуский правитель велел его допросить: «Ты не из Чжоу, но не признаешь, что чужак, – почему?» Тот ответил: «Я с юности изучал "Книгу песен" [«Ши цзин»]. В ней есть стихотворение, в котором говорится: "Во всей Поднебесной нет ничего, что не было бы владениями императора. До самого края земли нет никого, кто бы не был слугой императора". Ныне Чжоу правит всей Поднебесной, а я слуга правителя, так как же я могу сказать, что я чужак? Вот почему я сказал, что я свой». Чжоуский правитель услышал это и отпустил этого человека («Чжаньго цэ», Чжоу, 42)⁷.

Впрочем, чжоуская версия идеи «все люди – братья» просуществовала недолго. Понемногу власть правителей Чжоу становилась все более номинальной. По мере того как они утрачивали контроль над местными князьями, территория Чжоу распадалась на мозаичное пространство из сотен отдельных земель и миниатюрных государств. Около пяти веков эти конкурировавшие территориальные образования и их профессиональные армии были вовлечены в непрекращающуюся и запутанную череду соперничеств, захватов, битв, договоров и союзов. Таким образом, два с половиной столетия (481–221 гг. до н. э.), когда семь ведущих государств – Янь, Ци, Вэй, Чжао, Хань, Цинь и Чу – с особым ожесточением боролись за доминирование, с полным основанием стали называться периодом Сражающихся царств.

По мере того как сеть городов-государств Чжоу и их вассалов-союзников распадалась, на ее месте возникали сражающиеся царства: «сражающиеся», поскольку ведение войны

⁶ «Лунь юй» («Беседы и суждения») – главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких замечаний, фиксирующих высказывания и поступки учителя, а также диалоги с его участием. Здесь и далее цит. по изданию: Лунь юй / Пер. Л. С. Переломова. – М.: Восточная литература, 2001. – *Прим. пер.*

⁷ Пер. с древнекитайского науч. ред. – *Прим. ред.*

и обеспечение себе боевого превосходства стали их главной задачей; «царства», потому что новые правители стремились создать территориальные политические образования. Такое сражающееся царство стремилось одолеть соперников любыми средствами: стратегическими, военными или какими-то иными. Первые строчки самого известного военного труда того времени, трактата «Искусство войны» («Сунь-цзы бин фа»), излагают это с пугающей однозначностью: «Война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять»⁸.

Стоит подчеркнуть, что философия китайских мудрецов складывалась именно в эту эпоху политического и военного раздора. Повсеместный хаос, должно быть, воспринимался ими как конец света. Многие мыслители происходили из утративших свое бывшее общественное положение семей второстепенной аристократии. Они путешествовали от двора ко двору как странствующие ученые-воины, как служилые люди, предлагавшие свои размышления кому угодно, готовому пообещать поддержку и покровительство. Правитель в первых строках «Мэн-цзы» говорит: «Старец! Не посчитав далеким расстояние в тысячу ли, ты все же пришел сюда, значит, тоже имеешь сказать нечто такое, что принесет выгоды моему владению?» («Мэн-цзы», 1А.1)⁹.

Из феодальной конфедерации городов-государств и возвышавшихся над ними гегемонов, скрепленной воедино родственными связями и ритуальным долгом, Китай превратился в конгломерат царств, каждое из которых обладало собственной армией, управленческими институтами, границами и податным населением. Власть сосредоточивалась в руках одного монарха, который окружал себя советниками и министрами. Государственная и политическая жизнь вращалась вокруг правителя даже в большей степени, чем в предшествующую аристократическую эпоху. Считалось, что обществу лучше всего живется при монархическом правлении, под властью единственного и неоспоримого владыки. Почти все чиновники и философы того времени размышляли над идеей, которой суждено было стать главным постулатом китайской политической мысли: над представлением о том, что политические режимы эффективнее функционируют там, где власть сосредоточена в руках единоличного правителя и его двора, которые опираются на помощь оплачиваемых государством чиновников, утверждающих волю властного центра по всему царству.

---

⁸ Здесь и далее цит. по: Сунь-цзы. Искусство войны / Пер. Н. И. Конрада. – М.; Л., 1950. – *Прим. пер.*

⁹ Здесь и далее цит. по: Мэн-цзы / Пер. В. С. Колоколова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – *Прим. пер.*

Мысль о том, что верховная власть должна иметь источник и воплощение в одном человеке или институте, находит отклик и в наше время. Китайский язык той эпохи располагал широким диапазоном слов для обозначения единства («гармония», «объединение», «сведение

вместе», «уподобление» и т. п.). Китайские правящие элиты последующих времен могли по-разному расставлять акценты и формулировать принципы, но в основе всегда лежало непоколебимое убеждение, согласно которому институты должны поддерживать одного-единственного сильного лидера. С самого возникновения государство в Китае мыслило себя автократическим, то есть таким, в котором над народом господствуют сильные правители, опирающиеся на профессиональную армию и вышколенное чиновничество.

Политическая мысль периода Сражающихся царств воодушевлялась стремлением пойти наперекор могущественным семействам и урезать их полномочия. Эти семейства контролировали местные людские и экономические ресурсы, а потому обладали большой силой. Государство Цинь, лежавшее на западных окраинах территории Чжоу, первым решилось ограничить права наследственных землевладельцев, разделив свою территорию на округа, которыми управляли магистраты, напрямую назначенные центральным правительством. За укрощение собственных феодалов взялись и некоторые другие государства. Но, несмотря на эти меры, в период Сражающихся царств и ранний имперский период центральному правительству так и не удалось искоренить наследственное землевладение полностью. Древний Китай оставался чересполосицей, в которой наследные уделы соседствовали с землями, управляемыми централизованно.

После ряда изнурительных военных кампаний, длившихся два десятка лет, царство Цинь вышло в лидеры. В 221 г. до н. э. оно положило конец векам раздробленности и войн, впервые сплотив многочисленные государственные образования в единую империю. Между тем, пока государства и города окружали себя крепостными стенами, чтобы защититься от нападений соперников, наиболее видные китайские мыслители выстраивали свои философские и управленческие системы. Век безжалостных политических пертурбаций и неудержимой воинственности обеспечил такую концентрацию мысли, какой, вероятно, никогда не удалось бы добиться в покое мирной поры. У древнекитайских философов тех веков не было времени развлекаться абстрактными теориями и задаваться безответными вопросами. Им приходилось реагировать на безотлагательный вызов эпохи: как воспитать народ и организовать государство, которое возобладает над всеми соперниками? Эти исторические обстоятельства объясняют, почему китайская мысль столь явно сосредоточена на социальном и политическом, на этике и этикете. К тому времени, когда царство Цинь присоединило значительные фрагменты крепостных стен своих бывших соперников к имперской Великой стене, всю кипели идейные баталии по поводу того, как следует вести себя людям и как управлять обществом. Рождавшиеся в них постулаты укоренятся в истории и будут проверяться еще долгие века.

Цинь

Когда в 221 г. до н. э. правитель Чжэн из царства Цинь объявил себя Первым императором Цинь [кит. «Цинь Шихуанди»], он принял титул верховного божества народа шан (*ди*)¹⁰. Первый император считал себя полубогом, то есть не только посредником между высшими силами и человеческим миром, но и личным воплощением этих высших сил. В качестве суверена, превосходящего всех прежних правителей и царей, Цинь Шихуанди претендовал на приобщение к сонму легендарных бессмертных богов. Историк Сыма Цянь (ок. 145–86 гг. до н. э.) описывает его как человека величественного, большеногого, с грудью как у хищной птицы и голосом как у шакала. Деятель, объединивший Китай, изображался лишенным сострадания, а сердце его уподоблялось тигриному или волчьему.

Первый император провел ряд реформ, за которые в дальнейшем его будут и восхвалять, и презирать. Он вдохновлялся идеями Шан Яна (ок. 390–338 гг. до н. э.), основоположника философской традиции, позднее названной легизмом. (Мы вернемся к правителю области Шан в третьей главе.) Имена всех жителей империи предписывалось вносить в специальные реестры, посредством которых обеспечивалось эффективное налогообложение. Они также позволяли государству принудительно привлекать работников на большие строительные проекты. Подданных государства следовало считать крестьянами-воинами: земледелие составляло основу экономики, но во времена захватнических войн государство, превращаясь в эффективную боевую машину, должно было беспрепятственно мобилизовать народ. Все наследственные титулы упразднили, а на место родовых привилегий поставили личные заслуги. В стране была введена драконовская система уголовного права, устанавливавшая предельно суровые наказания.

---

¹⁰ Буквально Цинь Шихуанди означает «император – основоположник [династии] Цинь». Титул хуанди (##) объединил в себе две принципиально важные для Китая составляющие – «хуан» и «ди», которые раньше использовались отдельно. Слово «хуан» (#) буквально означает «сияющий», «высочайший» – это эпитет Неба. Слово «ди» (#) является кратким обозначением Шанди (##), верховного божества и легендарного родоначальника народа шан. – *Прим. науч. ред.*

Цинь Шихуанди стандартизировал систему мер и весов и ввел единую валюту. Круглая бронзовая монета с квадратной дыркой посередине (известная как *бань-лян*, или «половина от шестнадцати граммов») заменила разнообразные средства обращения, которые ходили

в других государствах (среди них, в частности, встречались денежные знаки в виде ракушек, ножей и пик). Новые монеты для простоты учета можно было нанизывать на нитку. Император ввел новые стандарты для телег и колесниц, в том числе заданную ширину осей, позволявшие пользоваться дорогами на всей территории империи. Государство пронизывала сеть императорских магистралей, протяженность которых оценивается в 6800 километров, они составляли достойную конкуренцию римской системе дорог. Одна из этих магистралей, проложенная военачальником, ответственным за возведение Великой стены, была известна как «Прямая дорога». Она протянулась на 800 километров к северу от Сяньяна – столицы империи Цинь – до Внутренней Монголии; некоторые ее фрагменты можно увидеть и в наши дни. Однако само по себе наличие дорог не гарантировало свободного передвижения людей или товаров. Все поездки и переселения проходили под полицейским надзором. Многочисленные контрольно-пропускные пункты собирали пошлины, проверяли пропуска и паспорта путников, а также их лошадей. Новая дорожная система обеспечила Цинь Шихуанди и последующим императорам возможность путешествовать по империи. Грандиозные процессии вкупе с ритуальными восхождениями на горы позволяли владыке символически утверждать свою власть и могущество как перед народом, так и перед духами. Подготовка к подобным дворцовым выездам могла занимать годы. Во время этих экскурсий Первый император оставлял потомкам наследие в виде надписей, высеченных на каменных стелах (колоннах или плитах с памятными текстами), которые он водружал на горные вершины в восточной части государства. Они красноречиво свидетельствуют о том, каким он хотел бы остаться в памяти будущих поколений: неустанно и усердно трудившимся монархом, покончившим с прошлым и утвердившим свое влияние повсюду и на всех – «даже на быков и лошадей» («Исторические записки», 6)¹¹.

Одно из самых значимых свершений Цинь Шихуанди – стандартизация китайского иероглифического письма. Эта реформа, проведенная под началом главного министра Ли Сы, заложила основу единой китайской письменности (которая просуществовала до 1949 г.), ставшей одним из главных инструментов эффективного бюрократического управления. До того как в Цинь начали упорядочивать формы, значения и звучания китайских иероглифов, в каждом государстве имелись свои стандарты правописания. Именно эти региональные варианты языка стали главной мишенью преобразований. Новая письменность, известная как «малая печать» (*сяочжуань*) – она упрощала старую «большую печать» (*дачжуань*), у которой было много вариантов, – позволяла быстрее и легче писать кисточкой и тушью, а это, в свою очередь, совершенствовало процессы учета. Но не следует думать, будто в ходе обновления письменности новые иероглифы изобретались с нуля. На деле «стандартизация» предполагала отказ от использования множества старых и локальных иероглифов. Под цензуру попали многие доциньские иероглифы. Помимо запрета на использование определенных иероглифов, упрощению подверглись сложные письменные формы вроде тех, что украшают ритуальные сосуды эпохи Чжоу.

Как и большинство событий, связанных с Первым императором, реформу китайской иероглифической письменности впоследствии идеализировали. Нет, однако, никаких подтверждений тому, что письменность в империи была унифицирована в одночасье. Стандартизация шла постепенно и длилась еще несколько столетий после Цинь Шихуанди. Тем не менее, как и в наши дни, изучение китайских иероглифов в те времена должно было казаться тяжелой задачей. Например, чтобы поступить на службу при династии Хань, нужно было запомнить не менее девяти тысяч иероглифов и освоить несколько стилей каллиграфии (сегодня исчерпывающий словарь китайского, включающий все варианты, содержит от пятидесяти до шести-

¹¹ «Исторические записки» («Ши цзи») – труд историка Сыма Цяня, созданный на рубеже II и I вв. до н. э. По своей значимости для китайской культуры его можно сопоставить с «Историей» Геродота для западного мира. Цит. по: Сыма Цянь. Исторические записки: в 9 т. Т. 2 / Пер. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. – М.: Восточная литература, 2003. – Прим. пер.

десяти тысяч иероглифов). Причем в этом деле требовалась неукоснительная тщательность – написание иероглифов с ошибками не допускалось. Орфография, как предполагалось, отражала моральные качества служащего; размышляя в том же ключе, сегодняшние графологи заявляют, что могут изучить вашу личность по почерку. Как показывает приведенная ниже история, одно неверное движение кисти могло обойтись очень дорого:

Когда Цзянь был *ланчжунлином* [начальником охраны внутренних дворцовых ворот], он написал донесение государю. Когда же донесение вернулось к нему, перечитав его, он воскликнул: «Я написал с ошибкой: внизу знака "лошадь" вместе с хвостом должно быть пять черт, а у меня всего четыре, не хватает одной черты. За эту ошибку император приговорит меня к смерти» («Исторические записки», 103)¹².

Тем не менее некоторая вариативность в китайской письменности, как и в любом другом языке, все же сохранилась. Раз уж мы прощаем Шекспиру то, что он по-разному писал собственное имя, то нельзя не восхититься относительным постоянством китайских иероглифов на протяжении почти трех тысячелетий. Без реформы письменности, проведенной Цинь Шихуанди, обмен информацией между государственными служащими был бы сильно затруднен, а политическое единство не продержалось бы долго.

---

¹² Цит. по: Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 8 / Пер. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетянца. – М.: Восточная литература, 2002. – Прим. пер.

Илл. 1.1. Первый император. Факсимильный репринт из энциклопедии «Сань-цай ту хуэй», 1609

Два общественных начинания, инициированные Первым императором, привлекают внимание до сих пор: это Великая стена и погребальный комплекс со знаменитой терракотовой армией. Стены были выстроены для защиты сердца империи от набегов кочевых племен, главным образом хунну, населявших северные и северо-западные степи. Великая стена в ее сегодняшнем виде датируется XV, XVI и XVII вв., но именно Цинь Шихуанди создал важный прецедент, объединив несколько ранее возведенных стен в непрерывное сооружение длиной около трех тысяч километров. Работы продолжались более пяти лет; за это время более трехсот тысяч рабочих переместили сотни миллионов кубометров камня и глины. Однако есть сомнения в том, что Великая стена той поры действительно была такой внушительной и монолитной, как принято считать. Согласно историческим свидетельствам, она выглядит не настолько гигантской, как рассказывают многие китайские историки, древние и современные. Как замечает американский ученый Артур Уолдрон, Великую стену не следует представлять в качестве единого древнего сооружения, последовательно и непротиворечиво описываемого в источниках. Стена Цинь Шихуанди могла представлять скорее мифом, чем исторической реальностью, – и не потому, что ее вовсе не было, но потому, что образ непрерывной Великой стены на протяжении всей истории использовался как идеологический инструмент, призванный вызывать восхищение достижениями китайской цивилизации по сравнению с соседними народами («мы» *versus* «они»). Возможно, история приписала стене Первого императора более солидную репутацию, чем эта кирпичная конструкция изначально заслуживала. Тем не менее она выступает прекрасным примером невероятных амбиций человека, которому не довелось узнать, что сегодняшние астронавты все еще спорят, видна ли его стена с Луны.

С 1974 г., когда начались раскопки в округе Линьтун (провинция Шэньси, примерно в 30 километрах от города Сиань), мавзоль Первого императора и его терракотовых солдат увидели миллионы людей. Император, боявшийся смерти, хотел обрести бессмертие и поэтому начал строительство собственной усыпальницы, едва вступив на престол (в 246 г. до н. э.). Прогулка вокруг теперешнего холма из утрамбованной глины не займет много времени: пройти предстоит чуть менее полутора километров. Изначально же высота кургана, как можно предположить, превышала сто метров. В могилу за императором последовали его бездетные наложницы. Чтобы сохранить секреты строительства, в гробнице замуровали и всех тех, кто ее строил. Затем над подземным мавзолеем посадили деревья и траву, чтобы он выглядел как естественный холм. Сегодня гробница на горе Лишань все так же покрыта вечнозелеными кипарисами и соснами, символизирующими долголетие. Археологам еще предстоит вскрыть саму гробницу, но не исключено, что они не пойдут на это. Кому захочется выпускать на волю непредсказуемый дух Первого императора? Кроме того, не факт, что находящееся внутри будет соответствовать описаниям гробницы, приводимым у Сыма Цяня: историк упоминал гроб из литой меди; погребальную камеру, наполненную копиями дворцов, башен и государственных зданий; водные артерии империи, имитируемые при помощи ртути и приводимые в движение механическими приспособлениями. На сводах склепа, по его словам, сияли небесные созвездия, освещаемые лампами на китовом жире. Первый император задумал свою гробницу в качестве миниатюрной модели вселенной. Вокруг нее располагались различные строения, а также были прорыты несколько рвов, в которых стояла целая терракотовая армия из тысяч фигур в натуральную величину, расположенных в боевом порядке. То было войско сражающегося царства, которое, словно полчище гусениц, сжевало всю карту доимперского Китая.

Часто пересказывают еще одну историю, связанную с Первым императором. В 213 г. до н. э. он якобы распорядился сжечь все книги, кроме медицинских, гадальных и сельскохозяйственных, а спустя год приказал казнить 460 конфуцианских ученых (по словам недобро-

желателей, всех их погребли заживо). Тех, кто не сжег свои личные книги в течение отведенных на это тридцати дней – работы, восхвалявшие образы прошлого, которые можно было использовать для критики императора, заклеили как преступников и отправили на каторгу. Специалисты, однако, сомневаются в достоверности подобных сведений о Первом императоре. Сбрасывание политических противников в ямы и уничтожение текстов, помогающих критиковать режим, – прекрасные пропагандистские образы, преемники Цинь Шихуанди могли обращаться к ним для того, чтобы очернить властителя, изобразив его несправедливым, жестоким, неотесанным деспотом. Династия Хань была очень заинтересована в том, чтобы представить своих непосредственных предшественников в дурном свете. Втаптывание в грязь тех, кто правил раньше, позволяло последующим владыкам убедительно оправдывать свое восхождение к вершинам власти. Сожжение книг, вероятно, имеет под собой какую-то историческую основу, но если даже и так, то оно не повлекло значительных последствий: скорее всего, такие акции ограничивались столицей. Нет никаких свидетельств, подтверждающих то, что Первый император когда-либо занимался чисткой культуры и выкорчевыванием традиций в таком масштабе, какой продемонстрировали «красные охранники» Мао во время «культурной революции» в середине XX в. Напротив, образованные люди эпохи Цинь изучали язык и стиль письменных произведений прошлого. Это становится очевидным из немногих дошедших до нас текстов, напрямую связанных с самим императором, например из надписей на камнях, воздвигнутых на священных горах во время его вояжей.

На протяжении всей истории Первый император оставался двойственной фигурой: его славили как создателя империи, но презирали как жестокого деспота; восхваляли как великого реформатора китайской письменности, но обличали как бескультурного невежду; восхищались эффективностью его государственных реформ и введенной им меритократией, но укоряли в людских страданиях, вызванных его политикой; воздавали должное его законничеству, но осуждали за презрение к конфуцианской утонченности. Как пишет историк Юрий Пайнс, «продолжающиеся споры об империи Цинь касаются не только прошлого, но главным образом настоящего – это споры о том, как лучше управлять Китаем, какую степень автономии стоит предоставлять каждой из его частей, какую роль должны играть в обществе интеллектуалы и какие средства допустимы для восстановления выдающегося положения Китая как могущественной и уважаемой нации». Династия Цинь продержалась недолго. Ее стремительное падение знаменито не менее, чем ее впечатляющее возвышение. Первый император умер спустя всего одиннадцать лет после основания своей выдающейся империи.

Хань

В 206 г. до н. э. после череды битв с аристократическими группировками, старавшимися вернуть былые родовые привилегии, выходец из крестьян по имени Лю Бан основал династию Хань. Приняв имя Гао-цзу, он стал первым ее императором. Пережив на начальном этапе полосу внутренних раздоров, династия укрепилась и продержалась почти четыре столетия – впервые в истории имперского Китая наступил длительный период стабильности. В политическом плане правители Хань продвигали преобразования, начатые при Цинь. В частности, продолжалось внедрение стандартизированного денежного обращения, общегосударственной системы мер и весов, единой иероглифической письменности. Правители Хань ввели более мелкую, чем прежде, монету, известную как *у чжу*: она весила чуть больше трех граммов. Чтобы избежать подделок, государство всеми силами насаждало монополию монетного дела.

В эпоху Хань утвердилось представление о фигуре императора как высшем воплощении власти. На государственном уровне были введены новые ритуалы, политические символы и религиозные культы, подкреплявшие прерогативы и легитимность императора. Именно с тех пор император сделался космологическим персонажем. «Сын Неба» теперь правил, опираясь не только на военную силу и устрашение, – он выступал связующим звеном между миром небесным и миром земным, служа символической осью, на которой держалось благополучие Вселенной. Мыслители эпохи Хань утверждали, что космос, мир людей и человеческое тело тесно связаны друг с другом и что все эти сферы работают по схожим моральным и физическим законам. В главе 2 мы будем подробнее говорить об этом корреляционном мышлении, а в главе 7 разберемся, как оно повлияло на китайское восприятие природы.

Правители Хань расширили и укрепили бюрократическую систему, основы которой заложила предыдущая династия. Они создали иерархически структурированные государственные ведомства и разделили территорию страны на административные единицы, известные как провинции и округа; некоторые из них номинально сохранились до сих пор. Часть земельного фонда была пожалована членам императорской семьи в качестве личных уделов. Кроме того, правители Хань расширили владения империи. При них впервые появились механизмы, упорядочивавшие внешнюю политику. Соседние государства и местные вожди символически подчинялись императорам Хань, доставляя ко двору особые подношения – дары, демонстрировавшие покорность или зависимость. Ханьских принцесс выдавали замуж за правителей из числа соперников-варваров.

Но поддержание мира не обходилось даром. На севере и северо-западе не утихало противоборство с кочевниками хунну, которое истощило казну императора У-ди (правил в 141–87 гг. до н. э.). Тем не менее империи удалось довольно глубоко проникнуть в Центральную Азию, используя коридор, который пролегал по территориям современных Ганьсу и Синьцзяна. Она дошла до самой Ферганы в Восточном Узбекистане, «земле стремительных и потевших кровью небесных коней». На северо-востоке властители Хань продвинулись до окрестностей нынешнего Пхеньяна в Северной Корее. На юге они присоединили регион Юэ, соответствующий сегодняшним провинциям Фуцзянь и Гуандун. На этом направлении влияние империи Хань распространялось до самого королевства Тямпа во Вьетнаме.

Доводилось ли империи Хань во времена экспансии встречаться с римлянами? Прямых подтверждений этому нет, но, поскольку две цивилизации лежали на противоположных концах Великого шелкового пути, они были пусть косвенно, но осведомлены о существовании друг друга. Римляне упоминали о стране, в которой производится шелк. Китайцы же говорили о мифическом месте под названием «Великая Цинь». Около I в. н. э. центральноазиатские купцы познакомили империю Хань с зачатками буддизма – религиозно-философской доктрины, зародившейся в Индии. Впрочем, для того, чтобы увидеть первый зафиксированный

в источниках акт императорского поклонения Будде, нужно было ждать до 166 г. В целом же история появления и усвоения буддизма в Китае приходится в основном на те столетия, которые не вмещаются в описываемый в этой книге период.

Ван Ман, перехвативший власть у знатного семейства Лю, открыл краткий период междоусобицы, известный как Новая империя (Синь) (9–23 гг. н. э.). Ван инициировал ряд реформ, в основном нацеленных на справедливое перераспределение земель. Эталоном своего правления он считал «Чжоуские ритуалы» («Чжоу ли») – литературный памятник, в котором идеальное государство уподоблялось золотому веку Чжоу. Но утопические реформы Ван Мана, как и само его правление, продолжались недолго. Влиятельные семьи, владевшие обширными землями, вернули себе бразды правления. Как и в Римской империи, в государстве Хань неуклонно усиливались могущественные аристократические семьи, которые подрывали власть двора и столицы. В конце концов в 220 г. сочетание стихийных бедствий и крестьянских восстаний подкосило империю. Китаю предстояло пережить почти четыреста лет раздробленности, прежде чем настал момент следующего великого объединения. Это произошло с приходом династии Тан в начале VII в.

Правление династии Хань стало золотым веком китайской культуры. Императорский двор и государство впервые занялись финансированием литературной деятельности и поощрением изучения классических текстов. И хотя было бы неверным называть эту новую волну поддерживаемого государством классицизма «конфуцианской», сам Конфуций тем не менее оставался ключевой фигурой в ходе передачи, редактуре и комментирования некоторых классических трудов. Пять важнейших текстов стали совокупно называть «Канонами» («Цзин»). Они вошли в образовательную программу императорской академии Ханьлинь, основанной в 124 г. до н. э. За одно только столетие более тридцати тысяч студентов прошли в ней обучение у мастеров толкования так называемого конфуцианского «Пятикнижия» («У цзин»). В него входят: «Весны и осени» («Чуньцю») – историческая хроника родины Конфуция, царства Лу, охватывающая 722–481 гг. до н. э.; «Книга песен» («Ши цзин») – сборник из 305 стихотворений, народных песен, надгробных речей и храмовых гимнов, составленный, как предполагается, самим Конфуцием; «Книга документов» («Шу цзин», или «Шан шу») – собрание речей ранних правителей Чжоу, посвященных государственному управлению; «Книга ритуалов» («Ли цзи») – сборник, описывающий церемонии и правила этикета; «Книга перемен» («И цзин», или «Чжоу И») – гадальный текст, включающий космологические разделы.

Все эти тексты дополнялись со временем, поскольку некоторые их фрагменты были созданы еще в века ранней династии Чжоу и Сражающихся царств. Причем именно в эпоху Хань они обрели форму, которая сделала их каноническими на два последующих тысячелетия. Вплоть до XIV в. претендентов на государственные должности экзаменовали на знание этих текстов. Ученые и интеллектуалы издревле цитировали Пять канонов в политических и этических дискуссиях. Современному читателю может показаться, что эти труды не отличаются высокими литературными достоинствами. Но если ценность стихотворения измеряется в первую очередь содержащимися в нем назидательными комментариями или политическими трактовками его слов и образов, то эмоциональным откликом, вызываемым чтением, с легкостью можно пренебречь. К счастью для тех, кому кажется, будто древние слишком стесняли литературную музу нудными политическими поучениями, эпоха Хань породила также новый жанр – поэму в прозе¹³. В последующие века в Китае появилось огромное количество работ, впечатлявших силой воплощенного в них литературно-поэтического гения.

Два крупных исторических труда, составленных во времена Хань, задали стандарт государственной историографии – продержавшийся в Китае до XX в. образец того, как следует фиксировать исторические события и как их нужно изучать. Записывать историю – это не просто собирать факты и сообщать о них потомкам. Гораздо важнее то, что официальные историки

¹³ Имеется в виду фу – новаторский жанр китайской литературы, сочетавший в себе поэтические и прозаические приемы. – Прим. науч. ред.

были обязаны манипулировать общественным мнением, описывая предыдущие режимы так, чтобы правление их нанимателей казалось более легитимным. Представление о том, что прошлое нужно использовать для объяснения и оправдания настоящего, прочно вошло в китайскую этическую и политическую мысль. Первым капитальным изложением китайской истории стали «Исторические записки» («Ши цзи»), которые вместе со своим отцом составил Сыма Цянь (официально служивший в должности придворного астролога). Этот труд описывает историю Китая с далекого мифического прошлого до II в. до н. э. Второй крупный исторический труд, «Историю династии Хань» («Хань шу»; другой перевод названия – «Ранняя история династии Хань»), составил Бань Гу (32–92 гг. н. э.) вместе с отцом и сестрой. Он охватывает первые два столетия Хань – период Ранней, или Западной, Хань.

Династия Хань создала важный прецедент: императорский двор впервые начал поощрять каталогизацию древних текстов, хранившихся в дворцовой библиотеке. Эта кропотливая работа, которой занимались Лю Сян (79–8 гг. до н. э.) и его сын Лю Синь (46 г. до н. э. – 23 г. н. э.), включала сбор, восстановление и редактуру всех известных манускриптов и литературных памятников, а также их классификацию по тематическим категориям или жанрам. Усилиями этих двух людей были заложены основы библиографической главы «Истории династии Хань». Составленный ими библиотечный каталог перечисляет более шести сотен произведений, три четверти из которых не сохранились. В последующие имперские времена династическая история, которая писалась при дворе, почти всегда включала подобного рода библиографию. Для того чтобы править миром, требовалось управлять текстами, которые его описывали, а также их авторами.

Династия Хань ввела систему экзаменов для претендентов на государственную службу¹⁴. Теоретически экзаменационные испытания гарантировали отбор на меритократической основе – по способностям и талантам, но в реальности не меньшую роль играли связи и рекомендации. Тем не менее состязания за право стать чиновником превратились в механизм, обеспечивающий определенную социальную мобильность. Именно во времена Хань утвердилось представление о том, что чиновники должны быть одновременно и учеными, а выполнение публично-административных обязанностей нужно сочетать с личными занятиями литературой, искусством и философией. Другими словами, саморазвитие рассматривалось в качестве предпосылки эффективного служения государству. Идеал чиновника-ученого прижился, оставаясь в силе на протяжении почти всей китайской истории. Даже в XX в., да и в наши дни тоже, видные китайские чиновники не прочь оказаться застигнутыми за упражнениями в каллиграфии, поэзии или пейзажной живописи. Экзамены, предшествовавшие поступлению на государственную службу, оставались основным источником найма госслужащих до 1905 г.

Двор также покровительствовал искусствам, а государство активно участвовало в проектировании и строительстве имперских городов, парков и памятников, в том числе и погребальных. Развитие науки и технологии позволило усовершенствовать системы ирригации и хранения воды, включая каналы и колодцы. К этому времени расширилось применение железа и железных инструментов. Кроме того, эпоха Хань была эпохой открытий в математике и астрономии, внедрения новых сельскохозяйственных технологий (сеялки, носовые кольца для быков), изобретения и распространения бумаги, новых способов глазурования в керамике, прорывов в текстильной технологии (ткацкий станок) и в производстве кирпичей и плитки, развития мореходства (штурвал с ахтерштевнем), составления медицинских трактатов, позже сделавшихся классическими.

Население страны в ту пору увеличилось. Правда, когда речь идет о численности жителей Древнего Китая, статистические данные уподобляются движущейся мишени, и потому

¹⁴ Формально экзаменационная система существовала и ранее, но в эпоху Хань Дун Чжуншу (179–104 гг. до н. э.), философ-конфуцианец и советник императора У-ди, упорядочил эти испытания и сделал их письменными. – *Прим. науч. ред.*

интерпретировать их следует с осторожностью. Местные чиновники или иные лица, желавшие избежать излишнего вмешательства центрального правительства в их дела, были заинтересованы в занижении численности населения в добрые времена: это позволяло минимизировать налоговые и трудовые повинности. Намеренное занижение количества взрослых мужчин или фальсификация их возраста – внесение в категорию лиц старше 60 лет – могли объясняться и желанием обойти воинскую повинность. В кризисные времена, при стихийных бедствиях или неурожае, местные бюрократы, напротив, проявляли заинтересованность в искусственном завышении числа своих подопечных (или земельных площадей), чтобы получить лучшую долю государственной помощи, предоставляемой в виде продуктов и семян. Нам известно, что в те ранние века население Китая и без того значительно колебалось из-за стихийных бедствий, гражданских распри и экономических неурядиц. Первая официальная перепись, датированная 2 г. н. э., фиксирует наличие чуть менее 60 миллионов человек, распределенных по более чем 12 миллионам домохозяйств. По сравнению с сегодняшним днем рост населения в Древнем Китае может показаться медленным: пока вы читали эту страницу, в Китайской Народной Республике родились двадцать новых граждан. И все же города во времена Западной Хань представляли собой довольно крупные сообщества – более десятка из них насчитывали от тридцати до ста тысяч жителей. В метрополии же вокруг города Чанъань (современный Сиань) было официально зарегистрировано около 700 000 жителей.

Время: Мыслить циклами

Время можно представлять либо линейным, либо циклическим. Китайцы пользовались обоими способами. Как и мы, они видели, что день ежедневно идет от рассвета к закату, а события следуют друг за другом в хронологическом порядке, от альфы до омеги. Чтобы понять, как события связаны между собой, нужно «нанизать» на единую нить то, что было раньше, и то, что происходит сейчас, подобно тому как нити в ткани соединяются шелковым волокном. Линейная хронология позволяет человеку осознать себя, то есть отследить генеалогическое древо и реконструировать свое происхождение из поколения в поколение. Словом, которое переводится как «нить» (*цзи*), в Древнем Китае также обозначали хронику, где фиксировались значимые события и перечислялись видные деятели – год за годом, в течение всего царствования властителя или династии. Китайские правители издавна составляли генеалогические таблицы. Чтобы легитимизировать свое восхождение на трон, монарху или династии нужно было встроить себя в родословную непрерывного наследования, связывающую их с теми, кто жил раньше, а в идеале восходящую к мифическим временам легендарных Трех властителей и Пяти императоров. Среди предков было полезно иметь культурных героев (в этом ряду были Желтый император, Фу Си, Яо и Шунь), которым приписывали изобретение важнейших цивилизационных новаций – письменности, календаря, ткачества и земледелия. В Китае для подтверждения своего права на власть важнее было знать (или притворяться, что знаешь) прошлое, чем высокопарно рассуждать о том, что готовит будущее.

Представление о том, что все необходимое человеку и обществу уже было в прошлом, а извлекаемые из его глубин истины стоят того, чтобы их повторять и беречь, объединяет почти всех китайских мыслителей. Например, в «Книге пути и благодати» («Дао дэ цзин») есть такие строки: «Придерживаясь древнего Дао, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом Дао» («Дао дэ цзин», 14)¹⁵. Конфуций тоже утверждал, что не создает новых путей, но лишь передает знание о древних («Лунь юй», 7.1). Под тем же девизом жили и в имперские времена: «Кто не понимает будущего, пусть обратит взгляд в прошлое» («Чуньцю фаньлу», 5.7). Иначе говоря, чтобы стать новатором, нужно быть консерватором. Великие мыслители, писатели и государственные деятели Китая прославились не столько нововведениями, радикально порывавшими с прошлым, сколько мудростью, проистекавшей из умения следовать традициям.

Еще важнее то, что китайцы параллельно воспринимали время и как цикл, подчеркивая, что линейная последовательность событий (например, ваши дела между завтраком и отходом ко сну) повторяется вновь, вновь и вновь (вы пробуждаетесь и засыпаете каждый день). Они представляли этот циклический ход времени как путь (*ли*), вдоль которого можно отмечать сменяющие друг друга циклы взлетов и падений, рождений и смертей. «Архивирование повторяющейся системы событий» – примерно так можно перевести современное китайское слово «история» (*лиши*). Представление о времени как о цикле занимало крайне важное место в том, как китайцы, причем с древнейших времен, воспринимали и описывали историю. Китайская историография традиционно делит прошлое на последовательность династий. В строгом смысле слова династия не более чем клан или семья, которые обретают и удерживают влияние на протяжении некоторого периода времени. Чтобы считаться династией, нужно иметь семейную генеалогию и обладать властью. Но в более широком смысле династия обозначает скорее коллективную идею (иногда фантазию), нежели реальный факт. Можно номинально объявить себя правящей династией, но за ниточки будет дергать не сама императорская семья, а кто-

---

¹⁵ Здесь и далее цит. по: Дао дэ цзин / Пер. Ян Хин-Шуна // Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – Прим. пер.

то другой – семьи императорских жен, влиятельные министры, дворцовые евнухи. Поэтому, рассуждая о китайских династиях, уместно провести параллель с президентством американского образца или премьерством британского типа. Президентство или премьерство держится на личности руководителя и тех, кто причастен к его администрации, но на самом деле в нем скрыто намного больше: идеология, принципы, скандалы, интриги или, обобщая, любые значимые события, которые происходят в период конкретного правления, даже если они не связаны напрямую с теми, кто правит.

Согласно китайским представлениям, концепция династического цикла базируется на предположении о том, что за деятельностью каждой династии стоит какая-то формализуемая схема. История повторяется – если не в конкретных деталях, то в общей направленности событий. Перефразируя Сыма Цяня, можно сказать, что ее путь подобен движению по кругу: закончившись, он начинается вновь («Исторические записки», 8). Таким образом, любая правящая династия всегда считала себя последней наследницей предшествующих династий. Она воздавала должное своим корням, уходящим в глубь веков, почитая основателей ранних династий, правителей и культурных героев и принося им жертвы. Себя же она изображала естественной преемницей этой богатой родословной – «на десять тысяч поколений вперед». Сходство судеб, отличающее китайские династии, удивительно. Как только новая династия основывается – зачастую это происходит на волне народного восстания против центральной власти, – двор укрепляет свое военное могущество, проводит экономические реформы, расширяет или укрепляет границы. Но в какой-то момент на смену первоначальному периоду благополучия, мира и упрочения государства приходят раздоры и дезинтеграция. Правители начинают злоупотреблять властью и делаются слишком самонадеянными, коррупция отравляет и разлагает двор, правительства не справляются со сбором налогов и пошлин, а по всей стране звучат протестующие и мятежные голоса. Двор, лишенный харизмы основателей династии, чахнет, получая удары изнутри и снаружи. На императорский трон сажают детей. Последние императоры в династии либо крайне слабы, либо вовсе бессильны. В конце концов какое-нибудь стихийное бедствие (наводнение или саранча) доводит и без того бурлящее недовольство до точки кипения. Династия гибнет от рук либо внутренних, либо внешних врагов; она прошла свой путь до конца. Наступает время нового цикла – ибо, как утверждает «Шу цзин», «небесный мандат не выдается навсегда» (глава «Кан дао»).

Таким образом, история представлялась китайцам циклическим процессом, в котором моменты порядка чередовались с периодами хаоса, а эпизоды вооруженного насилия (*у*) сменялись фазами мира и гражданского спокойствия (*вэнь*). При таком взгляде на историю основатели династий неизменно мудры и благонравны, а последние их правители слабы и бесталанны. Таким образом, путь любого правящего дома аналогичен жизненному циклу: он всегда приходит к естественному завершению. Считалось, что лучшими для государства были те времена, когда главенствовали великие мудрецы-правители. Без них, по словам философа Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), «владельцы князья-*чжухоу* предаются распутству, а готовые быть служилыми людьми *чу-ши* пускаются в пересуды» («Мэн-цзы», 3В.9). Тем не менее важно помнить, что понятие династического цикла оставалось не более чем моделью, используемой политическими деятелями и придворными историографами, чтобы анализировать прошлое и легитимизировать претензии на власть в настоящем. Разумеется, эта концепция никак не отражает подлинный ход исторических событий. Реконструкция китайской истории в логике династических циклов приведет к узкому и предвзятому ее пониманию, искаженному придворными. К чести современных историков, стоит отметить, что они подходят к анализу прошлого Китая более тщательно, обращаясь к архивам, деятелям и регионам, которых прежде не коснулась кисть официальных хронистов.

Когда царство Чжоу сменило Шан, новые правители воодушевлялись тем, что обрели Небесный мандат (*Тянь мин*): само Небо передало право на царство более достойным преемни-

кам. Как отмечалось выше, китайское Небо (*Тянь*) – это не место и не созидатель, как в иудео-христианской традиции. Оно отображает силу сущего и обладает могуществом, подчиняющим всё и всех, подобно тому как небеса покрывают всю землю. Небо изображалось в виде высшей моральной инстанции. Небесный мандат – политическое понятие, вошедшее в словарь всех мыслителей и государственных деятелей традиционного Китая. Чтобы претендовать на трон, необходимо было получить Небесный мандат. С его помощью объясняли и узаконивали всякую передачу политической власти вплоть до 1911 г., когда последний китайский император отрекся от престола, а имперскую модель сменила республиканская система.

Небесный мандат можно трактовать как что-то вроде космической инвеституры: Небо выбирает наиболее талантливых и высоконравственных, наделяя их правом руководить. Небеса, как высшая сила, выдают потенциальному правителю кредит доверия; избраннику полагается приложить все усилия, чтобы распорядиться им на благо народа и страны. Но Небесный мандат – единственное, что дает владыке полномочия. Если его отбирают или передают кому-то другому, значит, Небо отправляет правителя и его дом в отставку: он не смог должным образом распорядиться своим моральным кредитом. Понятие Небесного мандата в сочетании с принципом наследственной передачи власти в императорской семье – два столпа легитимизации власти в Китае.

Но как здесь измеряли время? Это делалось разными способами. Основной из них предполагал отсчет, за основу которого бралось конкретное царствование или какая-то его часть. Например, второй год Юаньфэн обозначает второй год периода под названием «Изначальный Феникс» – он соответствует 79 г. до н. э. Эта система просуществовала до конца династии Цин, когда в январе 1912 г. была провозглашена республика. (В Японии обозначение года на основе правления императора применяется до сих пор.) Другой способ записи времени основывался на шестидесятичной системе – она широко использовалась в традиционном Китае наряду с десятичной. Отсчет велся, исходя из сочетания двух счетных рядов: десяти знаков, известных как «небесные стволы», и двенадцати знаков, известных как «земные ветви». Из них составлялись шестьдесят уникальных комбинаций, посредством которых отсчитывались дни или годы. Шестидесятилетний цикл знаком читателям по китайскому зодиаку, в котором двенадцать животных соответствуют «земным ветвям» (крыса, бык, тигр, кролик, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака и свинья). Происхождение китайского зодиака остается предметом дискуссий, хотя есть свидетельства использования циклов с названиями животных уже в конце периода Сражающихся царств. Некоторые ученые считают, что зодиак, возможно, имел тюркское происхождение, а в Китай попал через Центральную Азию.

По крайней мере с V в. до н. э. китайские астрономы начали соотносить движение Солнца с движением других небесных тел согласно годовому обороту, разделенному на 28 неравных частей. Измерение фаз Луны, однако, заставило перейти к членению на 29 сегментов. Именно отсюда появился год, грубо разделенный на двенадцать одинаковых кусочков – лунных месяцев. Если выстраивать календарь на основе фаз Луны довольно просто, то делать это, опираясь на обращение Солнца, гораздо сложнее, поскольку последовательность месяцев быстро начинает расходиться с наблюдаемым движением светила и сменой времен года. Обычно год состоял из двенадцати месяцев (согласно лунному циклу), но для того, чтобы синхронизировать циклы Земли, Солнца и Луны, приходилось каждые 33 месяца вставлять дополнительный (високосный) месяц. Поскольку лунный месяц длится 29–30 дней, а солнечный год – 365 дней, что не вполне соответствует двенадцати лунным месяцам, потребовался календарь: он обеспечивал соответствие циклов и показывал, сколько дней в каждом месяце.

Китайцы подходили к учету времени с предельной тщательностью, и у них были на то причины. Первейшей основой их жизни оставалось земледелие, которое требовало точных измерений времени, хотя, конечно, позволительно предположить, что лучше всего с местными природными условиями были знакомы сами крестьяне. Календарь также упрощал государ-

ственные процедуры, такие как сбор налогов, перепись населения или набор в армию. Чтобы устанавливать в городах ночной комендантский час, чиновникам требовался точный способ фиксации времени суток. Как и в других частях света, ночи делились на «стражи», наступление которых возвещалось ударами колокола или барабана со сторожевых башен. Водяные часы (клепсидры) существовали уже в доимперские времена; это были кувшины с маленькими дырочками в дне. Интервалы времени отсчитывались при помощи поплавка, который опускался вниз по мере вытекания воды.

Помимо разнообразных техник и систем, учитывающих время, его измерение само по себе было нужно для политического контроля, причем как на практическом, так и на символическом уровне. Только те, кто правил, могли контролировать время, представляя народу календарь. Даже сегодня функции календаря не сводятся только к упорядочению нашего расписания. Создать календарь – это значит взять в свои руки организацию времени тех, кого вы хотите держать в подчинении, установив контроль над их деятельностью. Неслучайно красочные ежедневники и календари до сих пор остаются самым распространенным новогодним подарком в посольствах и фирмах по всему миру. Причем большинство из нас подсознательно воспринимает время именно в тех рамках, какие были заданы персонально для каждого: студент, скорее всего, делит его на модули и семестры (не забывая об экзаменационных сессиях); продавец строит его отсчет, отталкиваясь от ежеквартальной выручки; крестьянин считает важнейшей временной вехой начало сбора урожая. Правители Китая заставляли подданных воспринимать время так, как оно отражалось в сельскохозяйственном календаре; уподобляясь им, нынешние работодатели, университеты, спортивные федерации утверждают свои расписания, выпуская собственные календари. За тем вниманием, которое уделялось отсчету времени в Древнем Китае, стояло убеждение в том, что деятельность человека не просто его личное дело. Ее следовало планировать, исполнять и проверять, исходя из хода светил и повелений Неба. Календарь играл ключевую роль как в поддержании вселенского равновесия, так и во властвовании над подданными. Правитель или император имел право решать, какой месяц года будет первым в ежегодном цикле. Это означало, что календарь регламентировал и ритуальное время, поскольку важные государственные церемонии могли устанавливать и начало года, и смену его сезонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.